

ГОРОД

током земным ударят
улицы и мостовые,
и за спиной тихо крылья
враз прорастут переулком.
голос трамвайный скачет
каменным гимном окраин,
будто мы вырежем тайну
города спящего утром.

вербой в стакане проснутся
ветки метро и вокзалов,
звоном высоток расплавим
тающий присказкой город.
он приглушённую стужей
голос срывает так робко.
нотой бетонных коробок
слышится тихо:
«не нужен».

ШВЫ РВУТСЯ

...только здесь очень мало света,
толпа высосет силы час-пиками.
я пушу ядом — розовым цветом
пыль в глаза, закрываясь за бликами.

я устала жить каждой минутой.
отчёт времени требует пляски,
а мне шаг сделать с тошнотой трудно.
меня вырвет лохмотьями маски.

я задёрнула пыльные шторы,
я забила в углу в безвременье.
душу хапают гнусные воры —
кардиналы стального племени.

в тихой слабости я не способна
в толпе тел прикрывать боль руками.
по кускам собрала себе робу,
но упрямо швы рвутся стихами.

ПРОЛИВАЯСЬ С НИМ МИМО

этот снег, что внутри, он лавиной начал таять,
ведь его растопил очевидно предательский сон.
я пытаюсь отчаяньем ревностно что-то исправить,
с яростью прогоняя твоё безразличие вон.

ну а что же внутри — леденящие каверзой песни,
что когда-то со мной и для нас ты любил сочинять.
я стихами твоими расписываюсь в подъезде,
но они сыпят пеплом, сжигая мой выкрик опять.

твоё фото — герой всех моих сохранёнок,
я забыла, что слушаю я — твой плей-лист на репите.

будто я как вино вкус души свой хранила
с пелёнок,
чтоб ты с жадностью мог меня залпом
не сморщившись
выпить.

я ведь, право, не против.
мне только б глаза твои помнить.
знаешь, с детства мне скучно влюбляться
в стабильно-спокойных.
в режущей тишине пустоту мне внутри
не заполнить,
с головой бы кидаться на дно твоих внутренних
воин.

и все песни твои будто стрелы и копья мне
в спину —
закрываюсь от них в однокомнатной клетке
квартиры.
утоплюсь я в стихах, надрывая бессильную Лиру.
залатать бы молчаньем твоим просверлённые
дыры.

этот снег, что внутри, продолжает неистово таять.
ты как хочешь живи, но не снись мне давящей
картиной
там, где мы пересоленный суп, не пытаюсь
исправить
из одной ложки ели вдвоём,
проливаясь с ним
мимо.

НАВЕРНО

я не думала, что так будет сложно
склеить пазл из простых элементов.
боль всё бьётся и бьётся под кожей,
я спускаюсь в тюрьму сантиментов.

мне бы просто поспать этой ночью.
надрываюсь, чтоб всем улыбаться,
только выстрелом насквозь височным
каждый раз бьёт попытка стараться.

разложи для меня колыбельку,
с опозданием, но чтобы был праздник.
засыпая, взгляд кину я мельком
на тот мир, что неряшливо смазан.

но проснувшись, не встану с постели.
мне нужна очень экстренно помощь.
заклеймит мир меня в псевдо-лени,
я под гнётом всё больше как овощь.

продолжая карабкаться в бездну,
натяну вновь каркас «всё нормально».
только сил дальше нет, если честно,
мне дотягивать до идеальной.

мне бы быть хоть убито-какой-то :
чай с утра и в метро на работу.
я ползком к зеркалу с диким воем
в лысый облик ору: «сука, кто ты?»

только скажете мне; «накрутила.
должны взгляды на жизнь поменяться,
должна девочка быть нежной, милой».

под забором позорно валяются
буду я, не дойдя до аптеки,
по пути обрубив себе вены.

достучаться до вас мне навеки
можно только лишь сдохнув,

наверно.

ЖУРНАЛИСТ И ПОЭТ

громогласно, с упрямой бравадой
ты словами играешь проворно.
у меня болит каждая фраза,
я не жму из себя их позорно.

ты же гуглишь, что публика хвалит.
угадаешь — получишь премию.
я же пью, что мне щедро проставят.
я без имени, рода и племени.

не хочу я за ложь быть в ответе,
не хочу прыскать ядом прибыльно.
правда мимо летит на карете,
ты подрезал её за выгоду.

твоя речь — это лжи эстафета,
мою могут назвать пророческой.
журналисту нельзя стать поэтом,
не продать ему душу за творчество.

мастерски подбирает кто рифмы,
тот глашатай словесных отбросов.
у поэта душа перебита,
в строчку вздох её вылетит косо.

кто бежит этой грязи безумной,
может этим лишь смело гордиться.
журналист в поэте не умер.
он не смог даже в нём родиться.

КУКЛЫ

лица картонные, гипсово-белые
кружевом слеплены в ярком безмолвии,
хрупкие крылья в шелка разодетые —
куклы, как слепок печали знакомой мне.

глаз океаны стучат в ваши души,
слёзы не льются из яркой пластмассы.
им — обнищальным — тепло сердца нужно,
вы же бездумно налепите стразы.

вы на забаву их купите детям —
толстым, слащавым, сопливым ублюдкам.
кто же за стан куклы робкой ответит,
что переломлен в угоду злой шутке?

робко роняет хрустальные слёзы,
чистой красой забиваясь в комоды
та, что как вещь позабытые грёзы
вам на потеху подкинет, уроды.

куколка-девочка, кукла-старушка,
кукла-мишутка и кукла-солдатик
вечной улыбкой-рисунком на ушко
шепчут друг другу с неистовством:
«хватит!»

хватит быть палками пёсьей услады
и молчаливо сносить их удары.

кукольной маской без тени бравады
выдать не смогут возмездия планы.

лёгким обманом, холодным движением
маски срывают, смеясь повороту.
куклы сжигают костюм униженья —
пляшут на ниточках впредь кукловоды.

МОРЕ

море бескрайнее, море далёкое,
льдинами рвущее сизость свою.
мёртвенно-бледное, тихо-жестокое.
страх завлекает в твою глубину.

чайки замечутся — верные стражники
еле кричат, оглушая меня.
на берегу твоём гордо, отважно
в бездну морскую шепчу тебе я.

слышишь ли, море, бескрайнее, дальше?
слышишь мой шёпот холодный в ночи?
слышишь, как больно мне?
слышишь, как страшно?
лучше топи меня, но не молчи.

что ты ревёшь, ведь я тоже морская!
руки мои — точно пены закат.
сердце — волнистая рыба чудная.
волосы — след от морского песка.

что же ты, море, молчишь безмятежно?
в слёзах, истериках я захожусь.
камень в тебя я бросаю небрежно.
молча всё сносишь. себя я стыжусь.

море, ответь, почему ты большое,
мощное, грозное день ото дня
не понимаешь, не слышишь ни слова,
не принимаешь в пучину меня?

может боишься? может охрипло?
дно от солёной ледяной воды.
перекричу, перебью тебя лихо.
силу пуцу для жестокой борьбы.

я кулаками взобью твои волны
за гордость, за спесь и величину.
под воду кричать — пока не оглохнут
все рыбы, все гады пошли чтоб ко дну.

о, море великое, как ты прекрасно!
неравная схватка, признаюсь была.
тобой восхищаясь, шутила опасно.
в пучине твоей я теперь навсегда.

наполнилось мною, слилась я с тобою
в холодной бездне свободно паря.
ты гордость и спесь заменило любовью
ласкаешь теперь и лелеешь меня...

НЕ СЕГОДНЯ

не сегодня выйдут эфиры,
не сегодня солнца закат,
не подпишут правители мира
перемирия долгого акт.
не сегодня завоют собаки,
обернутся все реки вспять.

мир нейтронная вспышка объяла-
не сегодня вам засыпать.

всё в кошмаре застыло, в разрухе.
не сегодня — звучит — никогда.
и сцепленные с горечью руки
покидает поспешно рука.
не сегодня взлетят самолёты,
не сегодня случится зиме.
я стою и люблюсь полётом
мелких-мелких частиц по воде.

мир красив, мир велик, превосходен,
разрушаясь в своей глубине.
мир красив, ты увидишь, я помню
я вчера подсмотрела во сне.

«но вчера, ведь, уже не сегодня» —
на прощанье шептал звонко мне.

мы как сонмы блестящих осколков
оставляем круги на воде...

КОТ

на заплёванном грязном вокзале
тёплый мягкий комочек дрожал,
как ягнёночек в волчьей стае,
как один среди гор аксакал.

я быстрее его кутать под куртку,
не спросив разрешенья — домой.
тонкий писк переполнил маршрутку —
жизни просит котёнок — изгой.

я кормила, поила играла
со зверьком, что так рос по часам
точно тёплая добрая мама.

в благодарность свернувшись в ногах,
котик спал рядом, сразу за мною
утром следом бегом по пятам.
вместе всюду душою одною
были с ним,
только верить котам
нет не стоит. их память — обманка.

я уехала на год в Сибирь,
и вернувшись, крутую подлянку
за котом разглядела своим.

напрочь лик мой забыл он — проказник.
я в дверях — он быстрее прочь бежать.
раньше был мой приход точно праздник...
и забившись клубком под кровать,
кот, меня не признав, испугался.
с трудом вспомнил, спустя пару дней.
только на руки вот не давался,
хвост поджав, удалялся скорей.

мне такое предательство больно
от пушистого друга принять.
не могла я в котомке с собою
мохнорыла в Сибирь на год взять.

может думал, что я его брошу
на притворство постылых людей.
может думал, что горькую ношу
в его шкуре таскаю везде...
так смешно и, увы, уже поздно
по воде кулаками махать.

но так хочется, глядя на звёзды,
того котика дома обнять.

добродушно-довольная морда,
ты блинами в сметане заплыл.
я пытаюсь придумать аккорды
песни, где ты меня не забыл.
только это всё тщетно. чужие
стали мы. ни «пока» ни «привет»...

и лишь смолюю облитые крылья
чёрных воронов гасят
мой след.

ЖЕНЩИНА С ПТИЦЕЙ

женщина с птицей, дай счастья напиться,
скажи, приручить как пернатых существ?
женщина с птицей, мне снова не спится,
покой моей жизни на крыльях исчез.

в душе моей чёрных воронов стая,
брожу я в тоске, опасаясь зеркал.
душа моя слёзы внутри проливает,
сидят в ней вороны, их страшен оскал.
нутро моё чёрное, женщина с птицей,
скажи, как окрасить его в яркий свет?
быть может под крыльями вашей десницы
содержится чудный и сложный ответ?

хочу быть я белой, как странница неба,
что держите вы на коленях своих.
хочу быть я чистой, свободной и смелой,
той птахой, услада чья явственный крик.
женщина с птицей, о, женщина с птицей,
советы твои меня дивно спасут.
скажи, приручить как пернатых безумцев?
мне вороны душу нещадно грызут...

пока вижу свет, его хитросплетенья,
и снег, что сугробами там в ноябре.
но с тьмою внутри я теряю спасенье —
чёрные вороны кличут к себе.
женщина с птицей, тебе ли не помнить
ту исступляюще-мрачную боль.
прискорбно сознать зла несправедливость —
летели те вороны вслед за тобой...

я — мимо бегущая. в папке тетради.
на снег посмотрев, зазевалась на миг.
о, чёрные вороны, злые насильники,
душа теперь вечный и тёмный
тупик.